

ОЦЕНОЧНЫЙ ДИФФЕРЕНЦИАЛ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ БАРЬЕР ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЛИДАРНОГО ОБЩЕСТВА

Питка С.Н.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью НИУ «БелГУ»

Все познается в сравнении. Предметы, жизненные обстоятельства, люди... И самого себя человек также познает в сравнении с другими. Сильный он или слабый, смелый или трус, тщеславный или скромный и т.д. Человек выступает для другого своего рода «зеркалом», в котором тот видит себя, свои достоинства или недостатки. Жизнь человека немислима без постоянных сравнений, как и живой организм без дыхания.

Социальное сравнение имеет одну примечательную особенность, а именно, неременное разделение объектов сравнения на три категории: «свой», «другие», «чужие». Возможно, не всегда эта категоризация осознается и выступает в явном виде, но она всегда проводится. Особенно заметно это на примере этнических особенностей людей, которые обнаруживаются в сравнении «нас» с «не-нами». «Этничность не существует вне сравнения и вне коммуникации, только в ходе взаимодействия с иной этнической группой она может проявить свою способность, «индивидуальность». Это основное проявление этничности, так как могут трансформироваться и культурные, и организационные характеристики группы, неизменной остается лишь дихотомия между членами данной общности (т.е. «нами») и членами других общностей (т.е. «не-нами»)¹.

Оценочная категоризация относится не только к этнической дифференциации, но и к любой социальной дифференциации, т.е. к дифференциации по любому социальному основанию. Этот тезис подтверждается, в частности, результатами социологического опроса, проведенного С.Г.Климовой².

В основе разделения людей на «своих» и «чужих» лежит потребность человека в определении своей идентичности, в самоотождествлении с социальной группой³. Как утверждают Г.Тэджфел и Дж.Тернер - создатели известной модели социальной идентификации, человек

¹ Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999. – С. 18.

² Климова С.Г. Стереотипы повседневности в определении «своих» и «чужих» // Социологич. исследования. – 2000. – № 2. – С. 15-17.

³ Erikson E. Psychological Identity // A Way of Looking at Things. N-Y. 1995.

определяет себя посредством принадлежности к некой социальной группе, и его потребность в самоуважении будет мотивировать его желание оценивать данную группу положительно. Позитивные различия в пользу своей группы дают ее членам высокий субъективный статус или престиж и вследствие этого - позитивную социальную идентичность¹.

Оценочная дифференциация в процессе и результате социального сравнения имеет априорный характер и не зависит от того, есть ли у сравниваемых объектов положительные и отрицательные качества. Срабатывает механизм приписывания положительных качеств “своим” и отрицательных - “чужим”. Априорная оценочная дифференциация и приписывание полярных качеств компаративным объектам выражает суть закономерности оценочного дифференциала. В соответствии с этой закономерностью 1) объекты социального сравнения дифференцируются на три категории: “свои”, “другие”, “чужие”; 2) идентификация человека со “своими” обязательно сопровождается его контридентификацией с “другими” и “чужими”; 3) чем больше смысловой перепад между “своими” и “чужими”, тем интенсивнее приписывание им полярных (положительных или отрицательных) качеств.

Эмпирическое подтверждение закономерности оценочного дифференциала можно найти в данных многочисленных социологических исследований.² Об этом свидетельствуют и результаты наших исследований. Две трети опрошенных нами студентов заявили, что в их окружении имеются и «свои», и «чужие». Вместе с тем, у части студенческой молодежи (15,6%) нет дифференциации людей на «своих» и «чужих». Эти категории, во всяком случае, не дифференцированы в их сознании. Многие (21,8%) затруднились с определением собственной позиции.

Принимая во внимание различия в ответах респондентов, связанных с курсом обучения и местом учебы, отметим только одно. Во-первых, в процессе вузовского обучения становится больше затруднившихся с определением собственной позиции в отношении «своих» и «чужих». Других заметных различий нет.

Для определения того, кого студенты склонны считать «своими», им было предложено вырезать свое мнение в отношении следующих категорий людей: 1) родные, 2) друзья, 3) знакомые, 4) сокурсники, 5)

¹ Tajfel H. Turner J. The social identity theory of intergroup behaviour / S. Worchel & W. Austin. Psychology of Intergroup Relations. Chicago. 1979. P. 7-24.

² Войнов П.Н., Питка С.Н. Оценочный дифференциал как социально-психологическая предпосылка экстремизма // Международный терроризм: причины, формы и проблемы противодействия: м-лы Международной научно-практической конференции. – Белгород: БЮИ, 2006.

студенты и преподаватели своего вуза, 6) земляки, 7) все россияне, 8) значимые (нужные) люди, 9) европейцы, 10) единоверцы, 11) однофамильцы.

Две категории из перечисленных чаще всего считаются «своими». Это – родные (на них указывают 62,1% опрошенных) и друзья (50,6%). Категория «своих» формируется из знакомых (14,4%) и сокурсников (14,2%). Сравнительно меньшее значение для формирования «своих» имеют значимые (нужные) люди (7,6%) и земляки (7%). Незначительная часть студентов относят к «своим» студентов и преподавателей своего вуза (4,6%), всех россиян (4,3%). И совсем мало тех, кто относится к «своим» всех европейцев (0,2%) или единоверцев (0,8%). Никто из опрошенных не относит к разряду «своих» однофамильцев. Отметим также варианты ответа «для меня все люди – свои» (4,9%) и «никого не отношу» (0,8%). Есть и затруднившиеся с определением того, кого можно было бы отнести к разряду «своих» (7,4%).

Сравнительный анализ ответов студентов первого, третьего и пятого курсов обнаруживает следующие тенденции в изучении референтного пространства. За время обучения повышается референтный статус «родных», «знакомых» и, наоборот, понижается референтный статус «студентов и преподавателей своего вуза», «земляков», «всех россиян». Ослабевают также позиция «для меня все люди – свои».

В контексте межвузовского сопоставления обращают на себя внимание также различия. Во-первых, для студентов белгородских вузов сравнительно выше референтный статус «родных» и «друзей», а для студентов старооскольских вузов – референтный статус «студентов и преподавателей своего вуза», «земляков».

В ходе проведенного исследования выяснялось также, кого студенты относят к разряду «чужих». Для определения своего мнения им было предложено рассмотреть следующие категории людей: 1) все, кроме родных, 2) все, кроме родных и друзей, 3) незнакомые люди, 4) студенты и преподаватели других вузов, 5) жители других городов, 6) жители других областей, 7) иностранцы, 8) иноверцы.

Судя по полученным данным, к разряду «чужих» относят чаще всего «всех, кроме родных и друзей» (на это указали ровно треть опрошенных) и «незнакомых» (26,4%). Сравнительно реже попадают в этот разряд иностранцы (10,1%), «студенты и преподаватели других вузов» (1,3%), «иноверцы» (2,5%). Стоит отметить также значительное число затруднившихся с определением собственного мнения (13,9%) и тех, кто «никого не относит» к разряду «чужих» (9%).

Сравнительный анализ ответов студентов с учетом курса их обучения и места учебы обнаруживает следующее. Во-первых, за время обучения в вузе соотношение «своих» и «чужих» меняется в пользу первых, т.е. у студентов становится больше «своих» и меньше «чужих». Во-вторых, среди белгородских студентов сравнительно больше тех, кто

к «чужим» относит иноверцев, а среди старооскольцев – тех, кто относит к «чужим» всех, кроме родных и друзей. В-третьих, среди белгородцев относительно больше затруднившихся с определением своего отношения к «чужим».

Можно предположить, что у одних людей больше “своих”, у других – “чужих”. И не только у отдельных людей, но и у других субъектов социального сравнения (малых и больших социальных групп, государств). Можно говорить о *различной направленности* оценочного дифференциала – положительной или отрицательной. Причем, в качестве одного из индикаторов этой направленности служит то, как люди оценивают незнакомых людей, незнакомые предметы. Крайние позиции здесь таковы: “Я не знаю этого человека, значит он хороший человек” (положительная направленность оценочного дифференциала – ОД), “Я не знаю этого человека, значит он плохой человек” (отрицательная направленность ОД).

В связи с этим примечательна *историческая эволюция оценок* незнакомых людей, предметов. Чем глубже уходим в историю, тем больше ощущаем отрицательную направленность оценочного дифференциала: с одной стороны, жесткое разграничение “своих” и “чужих”, с другой стороны, ограничение “своих” узкими рамками своего рода и племени и отнесение “к чужим” всех остальных. Оказаться “без рода и племени” означало оказаться вне человечества, поскольку последнее в сознании первобытного человека и ограничивалось своим родом и племенем. Поразительно то, что жестко отрицательная направленность оценочного дифференциала в отношении других людей совмещалась с его положительной направленностью на животных (тотимизм), на неживых предметов (аниматизм).

Чем ближе к нашему времени, тем, во-первых, более пунктирным и подвижным становится граница между: “своими” и “чужими”, во-вторых, расширяются границы “своих” и, соответственно, сужаются границы “чужих”, в-третьих, расширяются границы новой оценочной категории людей – “других”. Такова, на наш взгляд, *общая историческая тенденция* изменения оценочного дифференциала.

Историческая закономерность положительного смещения оценочного дифференциала выступает в виде тенденции, не исключаяющей отклонений в ту или другую сторону. В качестве таких отклонений можно рассматривать, в частности, возникновение христианства в древнем мире и появление национал-социализма (фашизма) в современной истории. Христианство с его призывами к равенству людей и любви всех ко всем не вписывалось в привычные для античного человека модели оценочной стратификации людей, которые делили человеческий род на две полярные категории: “свои” и “не свои, варвары”. Если социальная доктрина христианства

представляется в момент его возникновения преждевременной и утопичной, то доктрина национал-социализма воспринимается как реликт полуживотной древности.

В процессе социального сравнения, как и при любом сравнении, используется определенная шкала. Эта шкала, правда, не всегда четко выражена и сформулирована, но это не меняет того обстоятельства, что она постоянно присутствует и используется. Обычно используется *ранговая* шкала: “лучше-хуже”, “выше-ниже” и т.п. Так чаще всего мы воспринимаем и оцениваем себя (свои качества) в сравнении с другими и других в сравнении с собой. Но есть еще одна шкала - *неранговая*, в которой сравниваемые объекты располагаются не в ряду “лучше-хуже”, а в ряду “это (одно) - другое - еще другие и т.д.”. Если в первой шкале фиксируется различная степень выражения социально значимого качества, то во второй шкале - различные равнозначные формы выражения данного качества. По первой шкале качество прибывает или убывает, по второй шкале - становится разнообразнее. В первом случае речь идет о количественном изменении состояния (признака), во втором случае - о качественном изменении. Характер используемой шкалы социального сравнения - ранговый или неранговый - определяет его тип - вертикальный или горизонтальный. При *вертикальном* типе социального сравнения используется ранговая шкала, при *горизонтальном* типе - неранговая.

Люди различаются своей склонностью к вертикальному или горизонтальному типам сравнения. Это относится не только к отдельным человеческим индивидам, но и к их малым и большим группам, культурам. Так, американцы больше склонны к вертикальному сравнению, скандинавы (шведы) - к горизонтальному. Первые оценивают социально значимые объекты в категориях “лучше-хуже”, вторые - “это - другое”. Первые делают выводы о своем превосходстве и униженности других, вторые - о своем отличии от других, что не дает оснований думать о чьем-то превосходстве.

Оптимизация референтного пространства студенческой молодежи предполагает формирование и развитие её компаративной культуры, что в современных российских условиях связано, прежде всего, с более широким распространением горизонтальных схем сравнения и, соответственно, ограничением вертикальных схем.